

Владимир Тарнопольский

РУССКИЙ ФУТУРИСТ (О Николае Сидельникове)

У каждого из нас, учеников Николая Николаевича Сидельникова, естественно, складывались свои отношения с учителем, каждый воспринимал его сквозь призму собственных представлений о жизни, об искусстве. Вместе с тем, нас всегда потрясали масштаб его личности и мощь его интеллекта.

Это был человек с глубокими корнями. В нем чувствовалась истинная духовная связь с дореволюционной интеллигенцией. О его необычайной образованности ходили легенды. Он часто цитировал Шпенглера, Ницше, прекрасно знал русскую философию, Библию, Талмуд, Коран. Я уже не говорю о его блестящих познаниях в области истории музыки — от нидерландских полифонистов до джазовых звезд (кстати, он увлекался джазовой импровизацией, что иногда слышно в его музыке). Одним из любимейших композиторов Сидельникова был Вагнер. Причем, он восхищался не только его музыкой, но и личностью. Он не раз говорил: «Подумать только, один человек! Перевернул все законы музыки и театра, сделал все по-своему и заставил следовать за ним весь мир!».

Сама внешность Н.Н. точно соответствовала его внутреннему миру — необычайное, даже странное смещение социального революционизма и глубокой русской духовности. Его внешний облик был почти иконографичен, напоминая одновременно и лики икон Андрея Рублева, и революционера Фиделя Кастро (кстати, любимейшего героя западной интеллигенции 60-х) и радикала (в то время) Кшиштофа Пендерецкого.

Помимо всего прочего, в моем педагоге было еще одно уникальное качество, от которого я приходил в восторг. Он обладал совершенно потрясающим искрометным чувством юмора. Собеседник еще не успевает отреагировать на первую остроту, а за ней следует вторая, третья... Кстати, это качество чрезвычайно портило ему жизнь. Далеко не все обладали таким же чувством юмора, такой же быстротой ума и хлестким языком, многие просто обижались на его остроты, часто просто убийственные, а он «ради красного словца» мог не пожалеть никого, невзирая на субординацию и положение в иерархии...

В доме Сидельникова за праздничным столом всегда собирались интересные компании — и не только музыканты, художники, кинематографисты, поэты. В круг его знакомых входили очень разные люди, в частности, представители «прогрессивного» крыла ЦК КПСС, которые, по-видимому, в дальнейшем, проводили в жизнь идеи перестройки. Вспоминается один случай. У Сидельникова был день рождения, я оказался в числе пригла-

шенных. Было очень любопытно наблюдать психологическое и интеллектуальное взаимодействие двух абсолютно разных миров — культурных и социальных: с одной стороны — партийные деятели, с другой — блестяще образованные коллеги Н.Н. Самое интересное произошло в конце вечера, когда Сидельников, тепло распрощавшись с друзьями из ЦК, нацепил на себя кепку, забрался на стол и начал кричать что-то про броневичок и Ленина, самозабвенно пародируя знаменитую речь вождя. В этом поступке «высвечивался» весь Сидельников. В нем было какое-то скоморошество — бурный, взрывчатый, почти физический протест против диктата, против всего того, что постоянно довлело тогда над людьми искусства.

Думается, именно в этом жизненном противоречии коренилось известное пристрастие Н.Н. к выпивке. Всю глубину этой проблемы в нашей культуре я по-новому осознал, когда прочел пронзительную поэму Венечки Ерофеева «Москва-Петушки». Только Венечкина «Слеза комсомолки» помогала притупить ощущение серой, сермяжной, бесперспективной действительности и позволяла перейти в иную реальность, более «раскованную», творческую. Застолье это сопровождалось блистательными, сверх меры насыщенными остроумием тостами, длиной по 40—50 минут. Это были потрясающие литературные тексты со всеми типами лексики, где сочеталось все — исповедь, обличение, поэзия, митинг, урок, театральная сцена!

На мой взгляд, Сидельников — один из самых талантливейших композиторов своего поколения — по своему артистизму, мелодическому дару, особой интонационной пластике, по истинной музыкальности. Но, к сожалению, он вольно или невольно был вынужден идти на компромиссы. Боюсь, что для него слишком большое значение имели прикладные жанры (он написал музыку к более чем 70 кинолентам). Мне кажется, что это не позволило ему в полной мере реализовать свой огромный талант, масштаб которого представляется все еще недооцененным. И дело здесь не только в том, что на серьезную работу у него в результате оставалось гораздо меньше времени. Проблема в том, что иногда границы между «прикладным» и «высоким» размывались.

В советские времена над всем господствовала установка, что необходимо писать симфонии с доступными, красивыми песенными темами и сочинять песни, столь же серьезные и интеллектуально насыщенные, как симфонии. К сожалению, такая соцреалистическая «закваска» сыграла со многими очень злую шутку — выхо-

дила музыка, не интересная ни массовому слушателю, ни профессиональной элите. Это случилось со многими, но не с Сидельниковым. Ему всегда как-то удавалось удержаться на этой опасной грани, а иногда такого рода симбиозы он превращал в подлинные шедевры. Особенно меня потряс горький и, в то же время, ироничный финал симфонии «Мятежный мир поэта», где на мелодию походного шлягера положено стихотворение Лермонтова «Прощай немая Россия, страна рабов, страна господ».

Иногда было ощущение, что он торопится работать, не всегда успеваешь шлифовать свои замыслы. И получилось — с одной стороны, исключительная отделка материала в «Русских сказках», удивительные ансамблевые находки в «Дуэлях», целое море чистой, изумительно целомудренной музыки в «Романсеро», с другой — балансирование на острие тривиального, использование полукиношных клише в ряде опусов.

Точно также и было в жизни: своими друзьями он называл Волконского, Пярта, Шнитке, Виеру, но при этом столь же легко и артистично находил общий язык с сильными мира сего. Когда же дело касалось принципиальных вопросов, он прямо шел на конфликты. Хорошо помню, как остро он переживал ряд ситуаций, связанных с цензурным вмешательством репертуарной колле-

гии Министерства культуры РСФСР по поводу той же лермонтовской симфонии. А каким ударом для него стал отказ в постановке оперы «Чертогон»! Именно в таких случаях его иногда выручали высокопоставленные друзья, которые, как это ни странно, проявляли больше доверия и внутреннего уважения к его таланту, чем некоторые коллеги по цеху.

Для меня Николай Николаевич Сидельников всегда был и остается одной из самых ярких личностей, которых я встречал на своем пути. В моем представлении он был настоящим русским футуристом, в хлебниковском толковании этого слова: его желание *прорваться вперед* означало *уйти вглубь* — к тому подлинному и вечному, что было заложено в недрах великой традиции.

У нас с Николаем Николаевичем довольно часто возникали горячие споры. Он убеждал не только логикой фактов и блестящей эрудицией, но и художническим артистизмом, парадоксальностью и обаянием. Общение с ним оставляло почти художественное впечатление.

Сидельников олицетворял собой бурный творческий темперамент, в котором сгорало и плавилось все и вся. И в этой кипящей магне рождались самые неожиданные и самые рискованные идеи.